

Ирина Жадан
Весенний вальс

рассказы

Ирина Жадан

Весенний вальс. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25096403

ISBN 9785448552007

Аннотация

Вечная тема странствия, прощания, светлых воспоминаний и надежды. Всю жизнь мы находимся в потоках энергии, времени; на нас низвергаются потоки воды, ветра, тепла, холода; нас захватывают попеременно бурные течения боли, страха, желаний, ненависти и любви. Не стоит сидеть на дороге и плакать – время движется нам навстречу, укорачивая отпущенные нам дни.

Содержание

Вступление	5
Весенний вальс	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Весенний вальс

Рассказы

Ирина Жадан

© Ирина Жадан, 2017

ISBN 978-5-4485-5200-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Жизнь быстротечна. То, что вчера казалось незыблемым, сегодня может быть разрушено и развеяться, как дым. Нет ничего постоянного ни в природе, ни в том, что создано человеком, ни в отношениях людей. Всю жизнь мы находимся в потоках энергии, времени; на нас низвергаются потоки воды, ветра, тепла, холода; нас захватывают попеременно бурные течения боли, страха, желаний, ненависти и любви. Всю жизнь мы странствуем и заканчиваем свои дни на чужбине, даже если никогда не покидали родного села. Потому что всё, что окружало нас в молодости, унесли беспощадные потоки времени, и теперь вокруг нас – чужие люди и незнакомый ландшафт. Но у странника есть и радости – восход солнца из светлого тумана над рекой, под восторженное пение птичьего хора; лесное озеро с белыми холодными кувшинками; дорога, которая вьётся среди зеленеющих или созревающих полей; яркий весёлый костёр на поляне; новые люди, которые приносят в нашу жизнь горе и радость – а, может быть, – благодарность или светлую печаль. Не стоит сидеть на дороге и плакать – время движется нам навстречу, укорачивая отпущенные нам дни. И близок конец путешествия – в объятиях Того, Кто отрёт наши слёзы на пороге небесного Отечества; лишь Он один верен и неизменен в Своей любви к нам, детям-странникам на созданной Им земле.

Весенний вальс

*Шорох чёрных дождей,
Возникая в степи за оградой,
Пробирается в город,
Оставленный тишиной.
Пепел наших сердец,
Голосов, размышлений и взглядов
На асфальте лежит
Под холодной стальной луной.*

*Гулкий грохот грозы
Сотрясает стеклянные стены.
Раскололась земля
Под ударами молний с небес.
Нет защиты в камнях.
Ты один на один со Вселенной,
И сжимает рука
На груди можжевельный крест.*

*Бесконечная ночь
Лишь разбавлена серым рассветом.
Горький ветер с полей
Режет крылья осколками льда.
Память ранена вскользь
Неуместным изящным сонетом,
И бессменно сверкает*

*Колочая в небе звезда.
(Автор, «Серенада»)*

Закончилась долгая холодная зима. Снег, запачканный дымом и грязью, медленно таял пока лишь на проезжих дорогах, превращаясь в потоки холодной воды. Далёкие глухие раскаты и дрожь промёрзшей земли стали привычными, как старая ноющая боль. Иногда гул и грохот приближались настолько, что дрожали стены, пол, дребезжали окна.

Анна постоянно мёрзла, несмотря на то, что в комнатах приюта было относительно тепло. Здесь скопились беженцы, имущество которых теперь помещалось в дорожных сумках под кроватью. Анна сидела на своей кровати в комнате, где кроме неё жили ещё три женщины. Двери комнат выходили в темноту длинного коридора. Проходя мимо дверей, можно было слышать попеременно то детский плач, то лай собаки, которую хозяйка не смогла бросить на руинах, то ссору соседок по комнате. Чужое временное жильё, чужие люди кругом, даже на соседней кровати. Чужие разговоры, лица, запахи, назойливые, от безделья и постоянного страха, вопросы. Всё это действовало угнетающе. Анна часто лежала, отвернувшись к стене, и молилась, закрыв глаза. Её считали странной и необщительной. Ей было до слёз жаль всех этих несчастных, потерянных людей, она молилась и за них, но не могла заставить себя смеяться и болтать ни о чём, лишь бы отвлечь их от мрачных раздумий. Ночью нередко были пьяные скандалы и даже драки. Ссоры вспыхива-

ли мгновенно. Люди были раздражены и напуганы. Запертые в небольшом пространстве, не имея опоры в вере, не имея никакого занятия, они всё больше превращались в стаю, где действовало лишь право силы.

Анна почти никуда не выходила, потому что в любой момент мог начаться обстрел. На улице можно было пострадать от осколков. С другой стороны, старое высотное здание могло рухнуть даже не от прямого попадания и сложиться, как карточный домик.

Анна тосковала в этих грязных обшарпанных стенах. Её особенно угнетало то, что умирать придётся среди чужих людей.

Анна давно не видела себя в зеркале. Чистая, но не по размеру, одежда из благотворительной организации сидела мешковато. С обувью были трудности. Но ничего, скоро наступит весна. С весной все связывали надежды на окончание всех страхов и возвращение домой, хотя многим уже некуда было возвращаться. Однако люди долгими зимними вечерами в мыслях и вслух строили планы, как они будут налаживать мирную жизнь. Лишь бы прекратился этот страшный, ни с чем несравнимый грозный гул и утихли бы взрывы, от которых стонала и вздрагивала земля.

Бывало, что спать ложились, не снимая даже верхнюю одежду и обувь. Грохотало настолько близко, что старались держаться до последнего, но к утру не было сил ни стоять, ни

сидеть с сумками на площадке у лифта, когда обрывки разговоров затихали сами собой от испуганных взглядов с неподвижных и бледных от страдания лиц.

Однажды ночью стены тряслись особенно сильно. Лифт отключили. Большие оконные проёмы, заделанные фанерой, не оставляли нигде укрытия от осколков снаружи и от взрывной волны. Здание строилось в мирное время. Оно не было рассчитано на то, чтобы укрывать людей от осколков снарядов. Узкая лестница на первый этаж с одной стороны, самой опасной, отделалась от внешнего мира стеклянной стеной. Никто не решался сходить по ней вниз. К тому же было ясно, что в случае прямого попадания нижний этаж будет надолго погребен под рухнувшими верхними этажами.

Анна вместе со всеми стояла у лифта, в ярком, режущем глаза, жёлтом электрическом свете. С каждым разом глухие разрывы звучали всё ближе, неумолимо и смертоносно. Один взрыв был уже совсем рядом. Следующий мог стать последним для старого здания и его обитателей.

Люди метались по коридору, то вбегая в свои комнаты за фанерными дверями, то выбегая из них к лифту с детьми и пожитками. Пожилая женщина забилась в тёмный угол на полу у лифта. Немой калека закрыл собой старую мать, которая тяжело дышала и оседала на грязный линолеум.

Анна отчётливо осознала, что настала последняя минута её жизни. Ближе, ещё ближе... «Господи! – взмолилась она. – Вот я, перед Тобой. Помоги мне, я одна и мне очень

страшно».

В это момент здание содрогнулось от попадания. Люди застыли и кричали, не переставая, до хрипоты. От следующего взрыва с потолка посыпалась известка, треснула стеклянная стена у лестницы. Анна, не помня себя, бросилась по коридору. Навстречу ей бежала незнакомая женщина. Они столкнулись, и женщина крепко обняла Анну, которую била крупная дрожь. Из глаз Анны полились горячие слёзы. Она судорожно обняла незнакомку и закрыла глаза, ожидая последнего взрыва. Бесконечное одиночество поглотило её, как пустыня.

Тишина перед следующим взрывом всё длилась, и Анна услышала у самого уха, что незнакомка тихо молится: «Отец наш, который на небе...» Анна дрожащим и сдавленным от страха голосом подхватила: «Да святится Имя Твоё...». Обливаясь слезами, они стояли посреди шума, беготни, ругани, звона хлопающих дверей, и их молитва тоненьким лучиком возносилась к небесам. Взрывы продолжались совсем рядом, но больше не приближались.

Через некоторое время обе женщины разомкнули затекшие руки. Незнакомка молча погладила Анну по голове и пошла к лестнице. Больше Анна её не видела.

После этого случая многие люди поспешили уехать дальше, в более спокойные места. Отныне их судьбой станет странствие по чужой земле. Анна и ещё две женщины также собрались, и для них начались все мытарства поездок

в беспокойное время.

Ехали на попутном транспорте, подолгу стояли в очередях на улице. Проверки документов, снова ожидание в очереди, снова проверки.

Дорога тянулась через голую степь, покрытую сухой прошлогодней травой. Кое-где ещё оставался слежавшийся снег, серый и пористый. В поле виднелись опоры линии электропередач, погнутые и искорёженные ураганом металла. На дороге попадались воронки с неровными осыпающимися краями. Однажды очередь изогнулась, обходя россыпь крупных железных осколков, границы которой были отмечены сухими ветками. Дул пронизывающий ветер.

Недалеко впереди в очереди стояла девушка с клеткой, в которой сидела нахохлившаяся канарейка. Холодный ветер раздувал лёгкие перья птички, которая сидела с закрытыми глазами, вцепившись коготками в перекладину. Хозяйка птички куталась в коричневую шубку и не смотрела на канарейку. Анне хотелось подойти и сказать девушке, что надо хотя бы накрыть клетку какой-нибудь тканью. Девушка повернула голову, как будто услышала мысленное обращение Анны. Выражение её лица ясно говорило, что обращаться к ней не стоит. Анна запоздало вспомнила, что выглядит совершенно нищей в убогом пальто с чужого плеча и стоптанных сапогах.

Потом были автобусы, которые снова и снова останавливались для проверок. Иной раз надо было выходить на улицу, в сгущавшиеся сумерки, иной раз можно было оставаться на местах. Багажа у Анны почти не было, поэтому она никого не задерживала, даже если приходилось отвечать на вопросы. Ответы Анны были так же бедны содержанием, как и её сумки. Вся прошедшая жизнь уместилась в нескольких словах. Анна безучастно думала, что это неудивительно. Ведь на памятнике вся жизнь человека уместается в тире между датой рождения и датой смерти. Да и была ли она, эта жизнь? Воспоминания противоречивы и изменчивы. Всё, что у неё осталось – это слова. Строго говоря, у неё нет никаких доказательств, что те или иные события её жизни происходили в действительности. Даже документы, выданные в одной местности, в другой уже не считались подтверждением чего-либо. Начать жизнь с чистого листа?.. А если так и оставить всё – чистый лист – и не начинать ничего больше? Сейчас Анну больше заботило, как встретить последнюю свою минуту. Несмотря на то, что она и её попутчицы давно выехали из опасной зоны, ощущение того, что жизнь может оборваться в любую минуту, осталось. Ведь это так и есть, просто обычно об этом никто не думает. После пережитого Анну постоянно занимал этот вопрос. Если раньше очевидную ясность необходимости готовиться к смерти заслоняли повседневные заботы, обязанности перед семьёй, работа, развлечения, то теперь, когда словно листья с дерева под

холодным ветром, унеслись все декорации, Анна осталась наедине с памятью о смерти, как с отполированной дождём и ветром каменной плитой, на которой начертано: «Memento mori».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.